

С.В. Пишун*

В.В. РОЗАНОВ И К.Н. ЛЕОНТЬЕВ

В статье предпринята попытка сопоставить взгляды В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева на некоторые вопросы общественной и культурной жизни, показана сложность и неоднозначность их отношения к творчеству отдельных русских философов и писателей. Автор прослеживает историю заочного знакомства В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева, выявляет ряд аспектов, обсуждение которых оживило их переписку.

Ключевые слова: В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, русская философия, эстетизм, красота, византизм

Vasily Rozanov and Konstantin Leontiev. SERGEY V. PISHUN (Far Eastern Federal University)

The article attempts to compare the views of Vasily Rozanov and Konstantin Leontiev on some issues of social and cultural life, as well as to show the complexity and ambiguity of their attitude towards the work of some Russian philosophers and writers. The author traces the history of their correspondence and reveals a number of aspects the discussion of which revived it.

Keywords: Vasily Rozanov, Konstanin Leontiev, Russian philosophy, aestheticism, beauty, Byzantism

Василий Васильевич Розанов и Константин Николаевич Леонтьев – два русских мыслителя, имевших наибольшее право считаться пророками отечественной философии. Хотя они лично никогда не встречались, во всяком случае, таких сведений не имеется, тем не менее очевидно их глубокое идейное родство, при всем различии некоторых аспектов их взглядов. И вовсе не случайным следует признать розановский интерес к фигуре Леонтьева, розановские очень высокие оценки наследия «оптинского отшельника». В этой связи хотелось бы остановиться на нескольких моментах.

Следует сразу отметить, что Розанов увидел в романтическом натурализме Леонтьева вполне цельную и последовательную позицию, суть

которой состояла вовсе не в фрагментарности мирозерцания Константина Николаевича (о такой фрагментарности писал Владимир Соловьев), а в его глубокой продуманности, причем в центре философского мировоззрения Леонтьева оказывается эстетика как манифестация полноты жизни. В этом эстетическом ряду, как известно, Розанова привлекало понимание Леонтьевым хода истории, отсюда розановское исследование «Эстетическое понимание истории» [18], опубликованное в «Русском вестнике» в 1892 г. и имевшее также и другое название – «Теория эстетического развития и упадка».

Оба мыслителя ядром исторического развития видели культуру в том смысле, что она как

* ПИШУН Сергей Викторович, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pishun.sv@dvfu.ru

© Пишун С.В., 2021

поиск красоты должна касаться непосредственно жизни человека, быть связанной с характерами самих людей. Розанов, как и Леонтьев, пытается преодолеть «частичность» мироощущения человека через культуру, в меньшей степени через эстетику. Красота, по мысли Розанова (и в этом он похож на Леонтьева), содержит в себе элементы вечности, «неразрушимое идеалистическое зерно» [9, с. 55]. При этом у Розанова все исторические культуры переживают периоды подъема и упадка, но ни одна из них не исчезает окончательно: «элементы всех их рассеянно живут в нашем образовании, в нашем быте и, без сомнений – через все это – в складе нашей души» [18, с. 80].

У Леонтьева пафос поклонения красоте и жизни выражен тоже весьма ярко. Как писал Розанов, у него «наиболее прекрасная жизнь есть наиболее сильная жизнь, т.е. далее всего отстоящая от смерти, от конца» и в этом смысле «идеал эстетический совпадает с биологическим». Сам Леонтьев в письме к консервативному публицисту И. Фуделю писал о том, что «настоящий культурно-славянский идеал должен быть скорее эстетического, чем нравственного характера» в силу того, что эстетические требования «осуществимее в жизни, чем моральные» [5, с. 49]. В феномене эстетического проявляется активное отношение человека к действительности, реальное творчество человека [20, с. 8–9]. Такую точку зрения еще до К.Н. Леонтьева высказывал Фр. Шеллинг. Кроме того, феномен эстетизма связан с состоянием кризиса культуры, потому что в такую эпоху ослабевают духовные основы общества, «знание» демонстрирует бессилие перед «жизнью» [19, с. 294].

Отправной точкой заочного знакомства двух замечательных и оригинальных русских философов стало прочтение тогда еще учителем Елецкой гимназии Розановым двух книг Леонтьева «Анализ, стиль и веяние в произведениях графа Л.Н. Толстого» и «Восток, Россия и славянство». Розанов тогда переписывался с известным критиком и публицистом Юрием Николаевичем Говорухой-Отроком и поделился с ним мнением о Леонтьеве. Говоруха-Отрок же в то время вел достаточно активную переписку с Леонтьевым и не стал скрывать от своего корреспондента интерес к его творческому наследию со стороны Розанова. Именно тогда сам Леонтьев отправил этому елецкому учителю свое письмо и книгу «Отец Климент Зеде-

гольм, иеромонах Оптинской пустыни». После этого Розанов и Леонтьев достаточно активно переписывались около года и прониклись глубокой симпатией друг к другу. Вот как об этом писал сам Розанов: «Константина Николаевича Леонтьева я знал всего лишь неполный год, последний, предсмертный его. Но отношения между нами, поддерживавшиеся только через переписку, сразу поднялись таким высоким пламенем, что и не успевши свидеться, мы с ним сделались горячими, вполне доверчивыми друзьями... Строй тогдашних мыслей Леонтьева до такой степени совпадал с моим, что нам не надо было стовариваться, договаривать до конца своих мыслей: все было с полуслова и до конца, до глубины понятно друг в друге» [11, с. 633]. К.Н. Леонтьев отвечал взаимностью: «Наконец-то после 20-летнего почти ожидания я нашел человека, который понимает мои сочинения именно так, как я хотел, чтобы их понимали!» [6, с. 49].

И все же Розанова отталкивала аристократическая властность Леонтьева, и поэтому он не очень-то и хотел непосредственного личного общения, опасаясь, что «оптинский отшельник» будет пытаться буквально навязать ему свои оценки, собственное видение литературных и общественных процессов. Об этом говорит тот факт, что когда Розанов приехал в Москву в свое свадебное путешествие, то получил прямую просьбу Леонтьева: «Нам надо видеться... Постарайтесь приехать. Умру – тогда скажете: “Ах, зачем я его не послушал и к нему не съездил”. Смотрите! Есть вещи, которые я только Вам могу передать» [6, с. 125]. Но Розанов, скорее всего, боялся разочароваться в Леонтьеве в ходе личной встречи и предпочел и дальше общаться лишь по переписке. Возможно, следует также учитывать тот факт, что Розанов поддерживал тесные контакты с «поздними славянофилами», вроде Н.Н. Страхова или С.А. Рачинского, а они относились к К.Н. Леонтьеву крайне негативно, обвиняя его в привнесении «яда эстетизма» в русский социальный консерватизм и даже в «аморализме». Такие оценки эстетической концепции Леонтьева встречаются и в наше время. Например, исследователь А.Л. Лазуко характеризует точку зрения «русского Ницше» как «принципиальный аморализм» [4, с. 77]. Кроме того, Розанов по-настоящему ценил творчество и талант Ф.М. Достоевского, являлся автором достаточно серьезных и глубоких критических разборов сочинений и литературных образов

великого русского писателя, в то время как К.Н. Леонтьев неоднократно выступал с нападка на Достоевского. Ознакомившись с начальными главами большой критической работы Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского», опубликованной в журнале «Русский вестник», Леонтьев писал ее автору 13 апреля 1891 г. из Оптиной Пустыни: «Читаю Ваши статьи постоянно. *Чрезвычайно* ценю ваши смелые и оригинальные укоры *Гоголю*: это великое начинание. Он был очень вреден, хотя и непреднамеренно. Но усердно молю Бога, чтобы вы поскорее переросли Достоевского с его “гармониями”, которых никогда не будет, да и не нужно» [11, с. 643]. Сам Розанов, будучи глубоким и вдумчивым критиком, понимал значимость для русской культуры и философии обоих оппонентов и поэтому никак не хотел становиться однозначно на сторону кого-то из них. Он, например, отвергал и излишне резкие слова Достоевского, давшего следующий комментарий проповеди смирения и терпения со стороны Леонтьева: «Леонтьеву (не стоит добра желать миру, ибо сказано, что он погибнет). В этой идее есть нечто безрассудное и нечестивое. Сверх того, чрезвычайно удобная идея для домашнего обихода: уж коль все обречены, так чего же стараться, чего любить, добро делать? Живи в свое пузо» [2, с. 51]. Как отмечал известный литературовед, исследователь и комментатор творчества В.В. Розанова профессор А.Н. Николюкин, «неприятие церковного “византизма” Леонтьева было естественным следствием гуманизма Достоевского» [7, с. 123]. Эти излишне резкие слова Достоевского в адрес Леонтьева встретили возражения со стороны Розанова в газете «Русское слово», где он печатался под псевдонимом «В. Варварин»: «Последние личные слова, обращенные к К. Леонтьеву, были несправедливы: он был идеалист лично, до трогательности добрый и мягкий, но с суровыми суждениями, капризно суровыми, “нарочно” суровыми. Он очень любил “горячить” общественное мнение и жег его парадоксами, иногда оскорбительными или, лучше сказать, всегда оскорбительными, когда было можно» [1].

Известно, что Розанов выбирал друзей не по идейному родству, а «по степени того, насколько глубоко они проходят внутрь нас». Несмотря на свою искренность, по признанию Розанова, Леонтьев был для него не совсем понятен как личность, он подозревал, что «оптинский отшельник» имел даже как бы двойственную

натуру: идейная суровость и презрение к оппонентам сочетались у него с весельем и легкомысленностью в обыденной жизни. «Ядро его натуры нимало не подчинилось страшно иссушающим, сжимающим его идеям», – писал Розанов в шестом номере «Русского вестника» в 1903 г. [12, с. 421–422]. Розанов опасался, очевидно, что Леонтьев может наговорить много резких слов в адрес «классических консерваторов-славянофилов», например, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, Н.Н. Стрехова, ему было бы неприятно слушать эти слова по отношению к тем людям, к которым он относился с пиететом или просто с уважением, хотя он во многом внутренне соглашался с критическими аргументами Леонтьева в адрес славянофильства середины XIX в.

Но, в любом случае, как нам представляется, розановская концепция пола вполне органично вытекает из эстетизма Леонтьева. «В Розанове Леонтьев как бы возродился вновь и стал фактом новой культурной эпохи, которая продолжается и по сей день» [10, с. 126]. Русский философ и критик Ф.Ф. Куклярский так описывает «патологическую» связь Розанова с Леонтьевым: «Розанов – типичный аналитик христианства, причем анализ его с годами все более углубляется, принимает все более и более интимный характер и вместе с тем все более сосредоточивается на ненормальных и темных чертах христианского откровения. В этом последнем отношении Розанов является прямым продолжателем Константина Леонтьева, с той, однако, разницей, что Леонтьев сатанизировал христианство во имя отрицания человека, тогда как Розанов сатанизирует его путем апелляции к натуральным родовым инстинктам человека» [3, с. 207]. С подобными оценками Куклярского можно и не соглашаться, но здесь ценным является указание данного критика на склонность к «интимному» разговору с читателем как Розанова, так и Леонтьева.

Интересны парадоксальные сравнения у Розанова творений Леонтьева с музыкой Чайковского: и писатель и музыкант способны гипнотизировать, только разными способами – Чайковский через звуки, а Леонтьев – в «формах», «изящных линиях», любви к разнообразию, через богатство красок и оттенков. Творчество Леонтьева ассоциировалось у Розанова с защитой молодости, «напряженных сил и трепещущих жизненных соков организма» [7, с. 125].

Однако при этом Розанов все время перебирал те слова, которые можно сказать о Леонтьеве. Например, в 1911 г. он написал статью в сборник «Памяти К.Н. Леонтьева» под названием «Неузнанный феномен», а затем в «Опавших листьях» нашел в этой собственной статье «тайную пошлость», буквально обрушившись на Леонтьева, по сути обвиняя его в том, что в его трудах «нет совета и мудрости», что якобы Леонтьев «внутренне не слушал не только апостола Павла, но и Христа» и хотел «Константина-язычника», а не «крещеного Константина» [16, с. 315]. Позже в «Мимолетном» Розанов осудил то, что писал о Леонтьеве в «Опавших листьях»: «Грех, грех, грех в моих словах о Константине Леонтьеве в “Оп. Л.”. Как мог решиться сказать. ... Леонтьев – величайший мыслитель за 19 век в России. Многие – дети против него. Герцен – дитя. Катков – извощик. Вл. Соловьев – какой-то недостойный ерник. И Леонтьев стоит между ними как угрюмая вечная скала» [17, с. 189]. Эти колебания Розанова вовсе не случайны. Леонтьев его притягивал и отталкивал одновременно. Розанов критикует исторически сложившееся христианство за догматизм, обезличенность, а Леонтьеву противна христианская идея кротости и послушания. Можно сказать, что предмет нападков у них общий – цивилизация, мораль, церковь, но источники этой критики различны. Розанов исходил из абсолютной ценности человеческой жизни, призывая все «измерять миллиметрами, а не километрами, “любить маленькое”». О Леонтьеве же сам Розанов написал: «Дай-ка ему волю и власть ... , он залил бы Европу огнями и кровью в чудовищном повороте политики. Это был Кромвель без меча, без тоги, в лачуге за городом, в лохмотьях нищего, но точный в полном росте Кромвель. Был диктатор без диктатуры» [11, с. 642–643]. Для Леонтьева истинной ценностью является не жизнь сама по себе, а сила и красота ее, он возвышает все то, что служит средством достижения абсолютного эстетического совершенства. Розанов же непосредственно в самой жизни видит пример высшей ценности, лишь ее признает божественно-прекрасной.

И, в завершении, вспомним, как точно написал Розанов о том, что время Леонтьева еще придет. И вот, когда оно придет, «Леонтьев в сфере мышления, наверное, будет поставлен впереди своего века и будет заглавною головою всего 19-го столетия» [7, с. 128]. Замечательные

слова. Я думаю, что Розанов все-таки сам обладал даром пророчества, который, быть может, даже не всегда был очевиден для него самого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варварин В. Заблудились в трех соснах // Русское слово. 1910. 24 января.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 27. Л.: Наука, 1972.
3. Куклярский Ф.Ф. Осужденный мир. Философия человекоборческой природы. СПб., 1912.
4. Лазуко А.Л. Картина мира в эстетике К. Леонтьева // Из истории русской эстетической мысли: сборник научных трудов. СПб.: Образование, 1993. С. 75–83.
5. К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни (По двум письмам) // Начала. Религиозно-философский журнал. 1992. № 2. С. 41–62.
6. Леонтьев К.Н. Письма к Василию Розанову. Вступление, комментарий и послесловие В.В. Розанова. Лондон: Nina Karsov, 1981.
7. Николушкин А.Н. Розанов. М.: Молодая гвардия, 2018.
8. Памяти Константина Николаевича Леонтьева: литературный сборник. СПб.: тип. «Сириус», 1911.
9. Пишун В.К., Пишун С.В. «Религия жизни» В. Розанова. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1994.
10. Померанская Т.В. «Всего лишь неполный год...» // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 124–131.
11. Розанов В. Из переписки К.Н. Леонтьева // Русский вестник. 1903. № 4. С. 628–641.
12. Розанов В. Из переписки К.Н. Леонтьева // Русский вестник. 1903. № 6. С. 419–435.
13. Розанов В. К изданию полного собрания сочинений К. Леонтьева // Новое время. 1912. 16 июня.
14. Розанов В. Кому «горе от ума» в действительной жизни // Русское слово. 1896. 19 февраля.
15. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. СПб.: Изд. М.В. Пирожкова, 1906.
16. Розанов В.В. О себе и жизни своей. М.: Московский рабочий, 1990.
17. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 2. Мимолетное. М.: Республика, 1994.
18. Розанов В.В. Собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 28. Эстетическое понимание истории (Статьи и очерки 1889–1897 гг.). Сумерки просвещения. М.; СПб.: Республика; Росток, 2009.

19. Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992.

20. Храброва И.А. Эстетический компонент человеческой деятельности и его гуманистическое содержание. Депонировано в ИНИОН. Харьков: ХИИЖТ, 1984.

REFERENCES

1. Varvarin, V., 1910. Zabludilis' v trekh sosnakh [Got lost in three pines], Russkoe slovo, January 24. (in Russ.)

2. Dostoevsky, F.M., 1972. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 27 [The complete collected works: in 30 volumes. Vol. 27]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

3. Kuklyarskii, F.F., 1912. Osuzdennyi mir. Filosofiya chelovekoborcheskoi prirody. [The condemned world. A philosophy of man-fighting nature]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

4. Lazuko, A.L., 1993. Kartina mira v estetike K. Leont'eva [The picture of the world in the aesthetics of Konstantin Leontiev]. In: Iz istorii russkoi esteticheskoi mysli: sbornik nauchnykh trudov. Sankt-Peterburg: Obrazovanie, 1993, pp. 75–83. (in Russ.)

5. K. Leont'ev o Vladimire Solov'eve i estetike zhizni (Po dvum pismam). [K. Leontiev about Vladimir Solovyov and the aesthetic of life], Nachala, 1992, no. 2, pp. 41–62. (in Russ.)

6. Leontiev, K., 1981. Pis'ma k Vasiliyu Rozanovu [Letters to Vasily Rozanov]. London: Nina Karsov. (in Russ.)

7. Nikolyukin, A.N., 2018. Rozanov [Rozanov]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

8. Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva: literaturnyi sbornik [In memory of Konstantin Leontiev: a literary collection]. Sankt-Peterburg: tip. «Sirius», 1911. (in Russ.)

9. Pishun, V.K. and Pishun, S.V., 1994. «Religiya zhizni» V.V. Rozanova [Vasily Rozanov's «religion of life»]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta. (in Russ.)

10. Pomeranskaya, T.V., 1989. «Vsego lish nepolnyi god...» [«Only less than a year...»],

Literaturnaya ucheba, no. 6, pp. 124–131. (in Russ.)

11. Rozanov, V., 1903. Iz perepiski K.N. Leont'eva [From the correspondence of K.N. Leontiev], Russkii vestnik, no. 4. (in Russ.)

12. Rozanov, V., 1903. Iz perepiski K.N. Leont'eva [From the correspondence of K.N. Leontiev], Russkii vestnik, no. 6. (in Russ.)

13. Rozanov, V., 1912. K izdaniyu polnogo sobraniya sochinenii K. Leont'eva [To the publication of the complete works of Konstantin Leontiev], Novoe vremya, June 16. (in Russ.)

14. Rozanov, V., 1896. Komu «gore ot uma» v deistvitelnoi zhizni [To whom «wit works woe» in real life], Russkoe slovo, February 19. (in Russ.)

15. Rozanov, V.V., 1906. Legenda o velikom inkvizitore F.M. Dostoevskogo [Legend of the Grand Inquisitor by F.M. Dostoevsky]. Sankt-Peterburg: Izd. M.V. Pirozhkova. (in Russ.)

16. Rozanov, V.V., 1990. O sebe i zhizni svoei [About myself and my life]. Moskva: Moskovskii rabochii. (in Russ.)

17. Rozanov, V.V., 1994. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 2. Mimoretnoe [Collected works: in 30 volumes. Vol. 2. The fleeting]. Moskva: Respublika. (in Russ.)

18. Rozanov, V.V., 2009. Sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 28. Esteticheskoe ponimanie istorii (Stat'i i ocherki 1889–1897 gg.). Sumerki prosveshcheniya [Collected works: in 30 volumes. Vol. 28. The aesthetic understanding of history (Articles and essays of 1889–1897). The twilight of enlightenment]. Moskva; Sankt-Peterburg: Respublika; Rostok. (in Russ.)

19. Huizinga, J., 1992. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo Ludens, a study of the play element in culture. In the shadow of tomorrow]. Moskva: Progress. (in Russ.)

20. Khrabrova, I.A., 1984. Esteticheskii komponent chelovecheskoi deyatelnosti i ego gumanisticheskoe sodержanie [Aesthetic component of human activity and its humanistic content]. Kharkov. (in Russ.)